

хан ган

человеческие
поступки

18+

Хан Ган

Человеческие поступки

Серия «Шорт-лист. Новые звезды»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51634724

Человеческие поступки: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-112073-3

Аннотация

В разгар студенческих волнений в Кванджу жестоко убит мальчик по имени Тонхо.

Воспоминания об этом трагическом эпизоде красной нитью проходят сквозь череду взаимосвязанных глав, где жертвы и их родственники сталкиваются с подавлением, отрицанием и отголосками той резни. Лучший друг Тонхо, разделивший его участь; редактор, борющийся с цензурой; заключенный и работник фабрики, каждый из которых страдает от травматических воспоминаний; убитая горем мать Тонхо. Их голосами, полными скорби и надежды, рассказывается история о человечности в жестокие времена.

Удостоенный множества наград и вызывающий споры бестселлер «Человеческие поступки» – это детальный слепок исторического события, последствия которого ощущаются и по сей день; история, от персонажа к персонажу отмеченная суровой печатью угнетения и необыкновенной поэзией человечности.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	54
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Хан Ган

Человеческие поступки

##

##

Originally published in Korean as ### ## by Changbi Publishers, Inc.

The work is published with the support of the Literature Translation Institute of Korea (LTI Korea)

Издание осуществлено при финансовой поддержке Института переводов корейской литературы

Печатается с разрешения литературных агентств Rogers, Coleridge & White Ltd и Andrew Nurnberg

© ##, 2014

© Ли Сан Юн, перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

Маленький птенец

Кажется, пойдет дождь.

Я повторяю эту мысль вслух:

Что будет, если и правда польет дождь?

Я прищуриваюсь и смотрю на деревья, стоящие перед главным зданием Управления провинции. Это гингко. Кажется, будто между качающимися ветвями образ ветра вдруг станет видимым. Как капли дождя, на мгновение замершие в воздухе, вдруг разом засияют драгоценными камнями, и останутся сверкать в пустоте.

Я раскрываю глаза. Очертания деревьев не расплывались так сильно, когда несколько минут назад я смотрел на них, прищурившись. Все-таки надо было заказать себе очки. В моей памяти всплывает широкое лицо старшего брата. На нем прямоугольные очки в роговой оправе цвета каштана. Вскоре его образ вытесняется громкими криками и рукоплесканиями, которые доносятся со стороны большого фонтана на центральной площади города. Брат говорил, что очки постоянно сползают с переносицы, а зимой, когда с улицыходишь в помещение, стекла запотевают и ничего не видно. А у тебя зрение больше не ухудшается, поэтому, может, очки и не нужны?

– Слушай, когда с тобой по-хорошему говорят. Чтоб сейчас же был дома!

Ты мотаешь головой, чтобы стряхнуть с себя этот сердитый окрик брата. Из громкоговорителя, установленного перед фонтаном, разносится высокий голос молодой женщины, ведущей траурную церемонию. Ты сидишь на ступенях лестницы перед входом в спортивную школу, откуда фонтан увидеть нельзя. Если хочешь хотя бы издалека посмотреть на церемонию, нужно обойти здание справа. Но ты упорно продолжаешь сидеть на своем месте, прислушиваясь к словам женщины.

– Внимание! Наши любимые граждане сейчас прибывают сюда из больницы Красного Креста.

Она запекает государственный гимн. Голоса нескольких тысяч людей сливаются, один за одним выстраиваются в сплоченный хор и, как громадная башня, устремляются ввысь. Среди них уже не различить голос ведущей. Ты тихо подпеваешь этому мотиву, напряженно взлетающему вверх, достигающему кульминации и резко падающему вниз.

Интересно, сколько их всего – мертвых людей, прибывающих сегодня из больницы Красного Креста? Когда утром ты спросил об этом Чинсу, он ответил кратко:

– Около тридцати.

Пока припев этого гимна, тяжелого как громадная башня, устремлялся ввысь и рушился вниз, с грузовиков один за другим спускали тридцать гробов. Их поставят рядом с теми

двадцатью восемью, которые ты и старшие товарищи утром перенесли из школы к фонтану.

Из восьмидесяти трех гробов, находившихся в школе, к общей траурной церемонии были подготовлены двадцать шесть. Однако родственники погибших, пришедшие вчера вечером, опознали еще два трупа. Их положили в гробы, поэтому их стало двадцать восемь. Ты вписываешь имена погибших и номера гробов в учетную книгу, охватываешь их длинной скобкой, а затем помечаешь надписью «Общая траурная церемония – 3». Чинсу наказывал внимательно вести учет, чтобы один и тот же гроб не оказался в списке дважды.

Тебе хотелось хотя бы раз побывать на церемонии прощания, но Чинсу велел оставаться в школе.

– А вдруг кто-то придет, пока нас не будет? Смотри внимательно.

Все старшие товарищи, работавшие вместе с тобой, ушли на площадь. Родственники покойных, проводившие несколько ночей рядом с телами, медленно побрели за гробами к выходу. К левой груди каждого крепился черный бант, а нутро под ним, казалось, было набито песком или тряпками, как у огородных пугал.

Ынсук до последней минуты не хотела оставлять тебя в этом зале одного, но ты успокоил ее. Ты сказал, что совсем не обижаешься, и поторопил ее. Она улыбнулась, обнажив слегка выпирающие зубы, из-за которых выражение ее лица – как при неловкой ситуации, и даже когда она, чувствуя ви-

ну, выдавливала улыбку, – казалось немного шаловливым.

– Ну тогда я только начало посмотрю и тут же вернусь.

Оставшись один, ты уселся на ступенях лестницы перед входом в школу. На колени положил учетную книгу в грубом черном переплете. Через спортивные брюки ощущался холод бетонной лестницы. Застегнув на все пуговицы куртку спортивного костюма, ты крепко обхватил плечи и скрестил руки на груди.

Гибискус, три тысячи ли, прекрасные горы и реки

Ты замолкаешь, уже не поешь вместе со всеми. Снова и снова повторяешь слово «прекрасная», и в памяти всплывает входящий в него знак #, который ты выучил на уроке иероглифики. Он состоит из множества черт, и сейчас ты вряд ли сумеешь написать его правильно. Что имеется в виду – горы, где растут прекрасные цветы, или то, что горы прекрасны, как цветы? На иероглиф наплывают кусты мальвы. Высокие, выше твоей головы. Те, что цветут летом в уголке вашего двора. Ты закрываешь глаза, хочешь как следует представить длинные прямые стебли, а на них – распускающиеся бутоны, похожие на белые тряпичные розеточки. Прищуриваешься и видишь гингко, по-прежнему качающиеся на ветру. Через эту ветряную завесу пока не пробилась ни одна капля дождя.

Гимн закончился, однако гробы, видимо, еще не успели разместить как следует. Сквозь шум толпы прорывается чей-то приглушенный плач. И, видимо, чтобы заполнить тягостные минуты молчания, женщина у микрофона предлагает спеть народную песню «Ариран».

Любимый, что оставил меня,
Не пройдет и десяти *ли*,
Как почувствует боль в ногах.

Рыдания смолкают, и снова раздается голос женщины:
– Давайте помолимся за любимых, ушедших раньше нас.
Гомон, в котором смешивались тысячи людских голосов, разом стихает, и ты удивляешься неожиданно гулкой тишине, нависшей над центром города. Вместо того, чтобы молиться, ты встаешь. Сунув в подмышку учетную книгу, поднимаешься по лестнице к приоткрытой двери школы. Достала из кармана брюк марлевую повязку и надеваешь ее.

Жгут свечи, но эффекта никакого нет.

Тыходишь в спортивный зал, где раньше занимались дзюдо, и морщишься от ужасного запаха. Погода портится, поэтому кажется, что уже наступил вечер. У входа стоят гробы, уже прошедшие траурную церемонию, а у широкого ок-

на лежат тридцать два тела, накрытых белой тканью. Они пока не положены в гробы, потому что родственники покойных еще не объявились. Перед ними тихо догорают свечи, воткнутые в пустые бутылки из-под воды.

Ты идешь в конец зала. Смотришь на вытянутые силуэты семи трупов в углу. Они закрыты белой тканью полностью, с пяток до самой макушки, и их лица ты показываешь только тем, кто ищет девушек или девочек. Показываешь всего несколько секунд. Уж очень страшно они изувечены.

Хуже всех выглядит женское тело в самом углу. Впервые увидев его, ты подумал, что это труп низенькой девушки лет девятнадцати или двадцати с небольшим. Но тело, постепенно разлагаясь, раздулось до размера взрослого мужчины. Каждый раз, откидывая белую ткань перед родственниками, потерявшими дочь или младшую сестру, ты удивляешься, как быстро гниет труп. На лице девушки, от лба до левого глаза, на скулах и подбородке, а также на левой оголенной груди и боку ты видишь множество колотых штыковых ран. В правую часть черепа, видимо, ударили дубинкой, и в проломе виднеется мозг. Открытые раны гниют быстрее. Вслед за ними разлагаются части тела, где есть синяки с кровоподтеками. Пальцы ног с аккуратными, покрытыми прозрачным лаком ногтями, невредимы. Но даже они, чистые, со временем увеличиваются, становятся похожи на толстые корешки имбиря и затем темнеют. Плиссированная юбка в горошек, еще недавно доходившая до голени, теперь уже едва приккры-

вает колени.

Ты возвращаешься к входной двери. Из коробки, оставленной под столом, достаешь новые свечи и возвращаешься к покойникам. Зажигаешь свечи от огарка, тускло мерцающего в изголовье. Как только огонь перекидывается на фитиль, задуваешь огарок и осторожно, чтобы не обжечься, вынимаешь его из бутылки. На его место вставляешь новую свечу.

Ты стоишь, наклонившись, держа в руке еще горящую свечу. Терпя смрад, от которого, кажется, вот-вот пойдет носом кровь, смотришь на огонек. Тусклое пламя свечи, якобы уничтожающее трупный запах, трепещет и разгорается. В центре пламени, словно подмигивая тебе, плавно колышется оранжевый огонек. Ты зачарованно смотришь на синевато-зеленое свечение вокруг трепещущего фитиля. Оно похоже на маленькое сердечко или семечко яблока.

Не в силах больше выносить смрад, ты выпрямляешься. Оглядываешь темный зал, и огоньки всех свечей, что колышутся в изголовьях убитых, пристально вглядываются в тебя, точно тихие зрачки.

Вдруг тебе в голову приходит мысль: а куда исчезает дух человека, когда умирает тело? Как долго дух находится рядом с телом?

Ты идешь к выходу, попутно проверяя, не осталось ли огарков, требующих замены.

Когда живой человек вглядывается в мертвого, может,

рядом с телом витает и его дух и он тоже смотрит в лицо человека?

Прежде чем выйти из зала, ты оглядываешься. Духов нигде не видно. Только хранящие молчание мертвецы и невыносимый трупный смрад.

* * *

Сначала эти люди лежали не в спортивной школе, а в коридоре отдела по работе с обращениями граждан Управления провинции. Ты растерянно смотрел на двух девушек, одна из которых носила летнюю форму с широким воротником, как старшеклассница женской школы Суфия, а другая была в обычной одежде. Обе влажными полотенцами оттирали засохшую кровь с лиц мертвых и с силой пытались выпрямить согнутые руки, чтобы уложить их вдоль туловища.

– Ты зачем пришел? – спросила девушка в школьной форме, подняв голову и стянув маску на подбородок.

Круглые, немного навывкате, глаза придавали ее лицу милость, а на разделенных пробором волосах, заплетенных в косички, торчало множество пушистых завитушек. От пота волосы прилипли ко лбу и вискам.

– Я ищу друга, – ответил ты, опуская руку, зажимавшую нос от ужасного запаха.

– Вы договорились здесь встретиться?

– Нет. Может, он среди этих людей...

– Ну тогда смотри, здесь ли он.

Ты спокойно осмотрел лица и тела двадцати с лишним человек, лежащих в коридоре вдоль стенки. Если уж проверять, то надо хорошенько вглядываться в каждого. Однако задерживать взгляд на лицах было трудно, поэтому ты все время моргал.

– Нету? – спросила девушка в обычной одежде и выпрямилась. На ней была светло-зеленая рубашка с закатанными до локтей рукавами.

Сначала ты принял ее за ровесницу девушки в школьной форме, но когда взглянул на лицо без маски, то увидел, что ей лет двадцать пять. Она казалась хрупкой из-за тонкой шеи и желтоватой блеклой кожи. Однако в разрезе ее глаз чувствовалась сила. И голос звучал четко.

– Нет.

– А в университетской больнице и морге был?

– Был.

– Где же родители друга, что ты сам ходишь и ищешь его?

– У него только отец, работает в другом городе, в Тэчжоне, а друг вместе со старшей сестрой снимают комнату в нашем доме.

– Междугородней связи и сегодня нет?

– Связи нет. Я несколько раз пытался позвонить.

– Ну а где сестра друга?

– В воскресенье она не вернулась домой, и мы с другом ходили ее искать. Но вчера, когда недалеко отсюда началась

стрельба, кто-то из соседей видел, как в друга попала пуля.

Девушка в школьной форме вмешалась в разговор, не поднимая головы:

– Может, он ранен и лежит в больнице?

Помотав головой, ты ответил:

– Случись такое, он бы дал знать. Понимает же, что мы беспокоимся.

Девушка в светло-зеленой рубашке сказала:

– Тогда приходи сюда через несколько дней. Нам сообщили, что все трупы будут свозить сюда. Говорят, застреленных людей так много, что в моргах уже нет мест.

Девушка в школьной форме влажным полотенцем протерла лицо молодого человека, у которого штыком была проткнута шея, а из гортани торчал красный язык. Она закрыла выпученные глаза убитого, надавив на них ладонью, затем прополоскала и выжала полотенце. Красные брызги разлетелись от ведра во все стороны. Старшая из девушек выпрямилась и сказала:

– Послушай, если у тебя есть время, может, поможешь нам хотя бы сегодня? Очень нужны люди. Да и дело несложное... Надо разрезать ткань, сложенную вон там, и накрывать тела, что лежат на той стороне. Если кто придет и, как ты, будет искать родственника, надо откидывать покрывало и показывать по одному. Их лица сильно изменились, поэтому часто человека опознают только после того, как осмотрят одежду и все тело.

С того дня ты стал членом их отряда. Как ты и предполагал, Ынсук была ученицей выпускного класса старшей школы Суфия. А Сончжу, девушка в светло-зеленой рубашке с закатанными рукавами, оказалась швеей, работавшей в мастерской при магазине европейской одежды на улице Чхунчжан. Она рассказала, что как только в городе начались волнения, хозяева магазина, супруги, забрали сына-студента и уехали в провинцию к родителям. Так она внезапно осталась без работы. Услышав на улице обращение по микрофону, о том, что люди умирают из-за нехватки донорской крови, обе девушки, каждая сама по себе, отправились сдавать кровь в больницу при университете Чончжу. Когда они узнали, что администрации провинции, перешедшей на самостоятельное управление, требуются рабочие руки, то пришли помочь. Им, стоящим в растерянности, поручили уход за трупами.

В классе, где парты расставлены в зависимости от роста учеников, ты всегда сидел в первом ряду. В третьем классе средней школы, когда у тебя начался переходный возраст, ты заметно подрос и твой голос немного огрубел, однако ты все равно выглядел младше своих лет. Молодой человек по имени Чинсу, пришедший из координационного центра Управления провинции, увидел тебя и с удивлением спросил:

– Ты не первоклассник?¹ Работа здесь тяжелая, поэтому

¹ В обязательную систему корейского образования входят начальная и средняя

тебе лучше пойти домой.

Этому симпатичному старшему товарищу с большими глазами и длинными, как у девушки, ресницами, ему, приехавшему из Сеула на время отмены занятий в университетах, ты ответил так:

– Нет, я учусь в третьем классе средней школы. Для меня здесь нет ничего тяжелого.

И в самом деле, твою работу тяжелой не назовешь. Сонджу и Ёнсук укладывали покойников на доски из фанеры или пенопласта, заранее постелив на них полиэтиленовую пленку. Влажным полотенцем они вытирали покойным лица и шеи, расческой с частыми зубьями приводили в порядок волосы, а затем обматывали трупы пленкой, чтобы уменьшить трупный запах. А ты в это время отмечал в журнале пол умершего, примерный возраст, во что он одет и обут, а затем присваивал ему номер. Написав этот номер на плотной бумаге и прикрепив ее иголкой к груди трупа, ты укрывал его лицо белой холщовой тканью и с помощью девушек перекладывал к стене.

Чинсу, выглядевший как самый занятый человек в Управлении провинции, несколько раз в день прибегал к тебе, чтобы забрать внесенные в журнал сведения о погибших. Затем он писал объявление и вывешивал его на двери главного входа в административное здание. Тем родственникам, ко-

школы. Чинсу имеет в виду первоклассника средней школы. Всего в ней 3 класса. Большинству учеников первого класса средней школы 12 лет, последнего – 15.

которые сами прочитали объявление или получили от кого-то эту информацию, ты показывал мертвое тело, откидывая с него белую ткань. Если его опознавали, ты отходил подальше и ждал, когда прекратятся рыдания. Покойников, приведенных в более-менее сносный вид, родственники переодевали в хорошую чистую одежду и ватой затыкали им носы и уши. Вот так упрощенно закончив церемонию положения во гроб, тела отправляли в школу. В твои обязанности входило лишь отмечать этот факт в учетной книге.

В этом деле ты не мог понять одного: почему во время короткой траурной церемонии, которая проводилась без соблюдения формальностей, семьи погибших пели государственный гимн. Станным казалось тебе и то, что родственники обязательно разворачивали национальный флаг и, накрыв им крышку гроба, обвязывали веревкой, чтобы полотнище не слетело. Зачем людям, убитым военными, поют государственный гимн? Зачем их гробы накрывают флагом? Как будто их убило не государство.

Когда ты осторожно спросил об этом Ынсук, она широко раскрыла глаза и ответила:

– Так ведь военные подняли мятеж, чтобы захватить власть. Разве ты сам не видел? Среди бела дня солдаты избивали людей, кололи штыками, а когда не добились своего, начали стрелять. Это им военные приказали так делать. Разве можно назвать эту кучку генералов государством?

Ты растерялся. Казалось, тебе ответили на совсем другой

вопрос. В тот день после полудня опознали как никогда много трупов, и в коридоре одновременно проводилось нескольких церемоний укладывания в гроб. Пока сквозь горестные рыдания то в одном, то в другом месте прорывалось пение гимна, ты, затаив дыхание, прислушивался к едва уловимому гармоничному звучанию, возникающему от наложения одного запева на другой. Как будто в эти минуты до тебя могло прийти, что такое государство.

* * *

На следующий день ты с девушками вынес несколько особо смердящих трупов во двор отдела по работе с обращениями граждан – уже не было места для вновь поступающих тел. Чинсу, пришедший своей быстрой походкой из Управления, с тревогой спросил:

– А что будете делать, если пойдет дождь?

Чинсу растерянно оглядывал проход, где из-за уложенных трупов негде было шагу ступить. Сончжу, сняв маску, ответила:

– Здесь так тесно, что остается только выносить во двор. Вечером их снова привезут, и что делать, не знаю. А как насчет спортивной школы? Это рядом. Может, там есть свободный зал?

Не прошло и часа, как подошли четверо мужчин, посланные сюда Чинсу. Судя по ружьям за плечами и каскам, до-

ставшимся им от отступивших спецназовцев, до этого они стояли где-то на посту.

Пока мужчины укладывали в грузовик тела, лежавшие во дворе и в проходе, ты и девушки собирали вещи убитых. Ты медленно побрел в сторону школы вслед за уехавшим грузовиком. Было ясное утро. Проходя под молодыми гингко, ты без всякой мысли хватал низко склонившиеся ветки, касавшиеся твоего лба, а затем отпускал их.

Шагавшая впереди Ынсук вошла в школу раньше всех. Когда ты следом за ней перешагнул порог, она оглядывала заставленный гробами зал, держа в руках темные матерчатые перчатки с пятнами крови. Вошедшая за вами Сончжу обогнала тебя. Волосы, доходившие до плеч, она связала в тугой узел платком и заметила:

– Гробы все привозили и привозили, а сколько их всего, не знала... А как свезли все в одно место, так оказалось, что их и правда много.

Ты видел безутешных родителей погибших. Они сидели, касаясь друг друга коленями. Перед ними на крышке гроба стояла фотография в рамке. В изголовье одного из гробов поставили две стеклянные бутылки из-под фанты. В одной были воткнуты белые полевые цветы, а в другой горела свеча.

В тот вечер ты спросил у Чинсу, можно ли достать коробку свечей, и он, уверенно кивнув, ответил:

– Да, если жечь свечи, запах, наверное, исчезнет.

Все, что было необходимо, будь то хлопчатобумажная ткань, деревянные гробы, плотная бумага или национальные флаги, он тут же, стоило только попросить, фиксировал в записной книжке и доставлял к ним в течение суток. Он сказал Сончжу, что каждое утро ходит за покупками на рынок Тэин или Яндон, а если там не находит нужного, идет к столярам, работникам похоронных бюро или продавцам ткани. Сказал, что с этим больших проблем нет – еще осталось много денег из тех, что были собраны на митинге. К тому же, люди часто отдают товар дешево или совсем даром, когда узнают, что он пришел из Управления провинции. Сказал еще, что в центре города уже распродали все гробы, поэтому пришлось срочно раздобыть шпон и сколачивать их в столярных мастерских.

Утром Чинсу принес спички и пять коробок свечей, по пятьдесят штук в каждой. Ты обошел все углы главного административного здания и даже флигель, собирая пустые бутылки из-под напитков, чтобы сделать из них подсвечники. Ты стоял перед столом, одну за другой зажигал свечи и вставлял их в бутылки. Затем родственники погибших брали их и помещали перед гробом. Свечей хватило всем – они горели и в изголовьях тех, кто лежал без присмотра родственников, и тех, кого еще не опознали.

* * *

Каждое утро привозили новые тела и шло прощание с по-

койными. Сюда доставляли умерших из крупных больниц, а иногда родственники с блестящими лицами – то ли от пота, то ли от слез – сами привозили покойника на тележке. Для каждого ты находил место, сокращая расстояние между гробами.

По вечерам прибывали трупы из других районов, где произошли столкновения протестующих с правительственными войсками. Это были погибшие на месте при огнестрельной атаке или умершие от ран в машине скорой помощи по пути в реанимацию. Тела совсем недавно скончавшихся людей еще не выглядели как тела мертвецов. Ынсук, заталкивавшая им назад в живот полупрозрачные кишки, которые без конца вываливались, время от времени выбегала во внутренний двор, страдая от рвотных позывов. А Сончжу, у которой с детства, как она сказала, часто из носа шла кровь, запрокидывала голову назад и смотрела в потолок, надавливая на закрытую маской переносицу.

По сравнению с испытаниями, выпавшими на долю девушек, твоя работа оставалась все такой же простой. Ты делал то же самое, что и в отделе по работе с обращениями граждан: отмечал в журнале дату, время, записывал, как выглядит умерший, во что он одет и обут. Ты заранее разрезал хлопчатобумажную ткань на покрывала определенной длины и втыкал английскую булавку в плотную бумагу, чтобы на ней можно было сразу написать номер. Каждый раз, когда появлялась возможность, ты сокращал расстояние между гроба-

ми и неопознанными телами, освобождая место для новых поступивших. Однажды вечером, когда привезли слишком много убитых, не оказалось ни времени, чтобы подготовить для них места, ни свободного пространства. Поэтому пришлось сдвигать гробы как придется, вплотную друг к другу, не оставляя даже зазора. В тот вечер, оглядев мертвецов, полностью заполнивших зал, ты вдруг подумал, что они похожи на толпу людей, договорившихся собраться в этом месте. Сунув учетную книгу под мышку, ты торопливо двигался в этой толпе безмолвных неподвижных тел, которые только и могли, что источать ужасный смрад.

* * *

«И правда прольется дождь», — думаешь ты, выйдя из зала и глубоко вдыхая. Желая подышать еще более чистым воздухом, ты идешь в сторону внутреннего двора, но мысль о том, что слишком далеко уходить не стоит, останавливает тебя на углу здания. Ты слышишь голос молодого человека, усиленный микрофоном.

«Мы не можем безоговорочно сдать и вернуть оружие на склады, как велют генералы. Сначала они должны указать, где находятся тела пропавших граждан. Должны освободить сотни людей, схваченных и брошенных в тюрьму. Но, прежде всего, нам нужно по всей стране распространить правду о том, какие беззакония творились здесь, и добиться

обещания, что наша честь будет восстановлена. И только после этого мы можем вернуть оружие. Вы согласны со мной?»

У тебя вдруг появляется ощущение, что одобрительные крики и аплодисменты собравшихся звучат уже не так громко, как прежде. Ты помнишь митинг, начавшийся на следующий день после того, как из города ушли правительственные войска.

Люди забрались на крышу здания Управления провинции, на башню с часами и стояли там плотной стеной. Толпа из сотен тысяч людей бурлила, как огромная волна, заполонив собой все свободное пространство улиц, где теперь не ходил никакой транспорт. И эта толпа пела гимн страны, из голосов воздвигая головокружительной высоты башню в сотни тысяч ярусов. И хлопала в ладоши так громко, что, казалось, одна за другой взрываются сотни тысяч петард.

Вчера утром ты слышал, как Чинсу очень серьезным тоном сообщал Сончжу:

– Ходят слухи, что если военные снова войдут в город, то они поубивают всех горожан. Поэтому на митинг выходят все меньше и меньше – люди боятся. Хотя чем больше нас выйдет на улицы, тем сложнее им будет войти... Какие-то нехорошие ощущения. Гробов становится все больше, а людей на улицах – все меньше. Отсиживаются дома.

«Не слишком ли много крови пролилось? Как можно просто забыть об этом? Духи тех, кто покинул этот мир раньше нас, раскрыли глаза и внимательно следят за нами».

Голос мужчины к концу выступления звучит хрипло. Повторяющееся слово «кровь» почему-то заставляет сердце сжаться, и ты снова открываешь рот и глубоко вдыхаешь воздух.

Духи бестелесны, так как же они могут раскрыть глаза и следить за нами?

Ты вспоминаешь прошлую зиму, последние дни жизни бабушки со стороны матери. Около двух недель она провела в больнице из-за обычной простуды, перешедшей в воспаление легких. В субботу вечером, сдав экзамены в школе, ты с легким сердцем поехал в больницу навестить ее. Неожиданно состояние бабушки резко ухудшилось, и, пока дядя с тетей спешили в больницу на такси, ты с мамой находился рядом с умирающей бабушкой.

В детстве ты ездил в родительский дом мамы и вспоминаешь бабушку. Она, со всегда согнутой буквой #, «киёк», спиной, спокойно говорит: «Иди за мной» – и ты следуешь. Тыходишь в темную комнатку, служившую кладовкой. Ты знаешь, что бабушка откроет дверцу кухонного шкафа, возьмет оттуда печенья из рисовой муки, обмазанные медом и обсыпанные кунжутными семечками – то, что приготовлено к столу, который накрывают для проведения обряда кормления духов предков. Получив лакомство, ты радостно улыбаешься и в ответ видишь, как бабушкины глаза становятся совсем узенькими. Последний час жизни бабушки был таким же тихим и спокойным, как ее характер. Она лежала с кис-

лородной маской, закрыв глаза, и вдруг от ее лица отлетело что-то, похожее на птицу. Глядя на морщинистое лицо отошедшей бабушки, ты растерялся, не понимая, куда исчезло оно – нечто, похожее на маленького птенца.

Может быть, и духи людей, лежащих сейчас в этом зале, тоже вдруг выпорхнули из тел, как птицы? Куда они подевались, эти испуганные птицы? Не похоже, что они улетели куда-то в неведомую страну, в Рай или Ад. О них ты услышал очень давно в воскресной христианской школе, куда с друзьями отправился в день Пасхи, чтобы съесть крашеное яйцо. Не было похоже и на то, что духи блуждают в тумане – со всклокоченными волосами, в белых одеждах – как иногда показывают в исторических фильмах, специально снятых с пугающими сценами.

Капли дождя падают на твою коротко стриженную голову. Ты поднимаешь лицо кверху. Капли беспорядочно падают на щеки, лоб и, быстро сливаясь друг с другом, струйками бегут вниз.

Мужчина торопливо кричит в микрофон:

«Прошу вас оставаться на своих местах! Церемония прощания с погибшими еще не закончилась. Этот дождь – слезы, которые льют духи наших товарищей, ушедших раньше нас».

Холодные струи дождя, проникающие за воротник спортивного костюма, впитываются в футболку и стекают вниз до самого пояса. *Слезы духов, оказывается, холодные. Кожа на*

предплечьях и спине покрывается мурашками. Ты прячешься от дождя под навесом над входом в школу. Деревья перед зданием Управления провинции стойко отражают нападение дождевых потоков. Скукожившись, ты сидишь на ступеньке лестницы и вспоминаешь урок ботаники, который недавно шел в школе. Теперь кажется, что тот пятый урок, на котором ученики, разморенные жарой, изучали дыхание растений, проходил где-то в другом мире. Учитель рассказывал, что деревья дышат только один раз в сутки. Когда солнце всходит, они долго-долго вдыхают в себя его лучи, а когда оно садится, долго-долго выдыхают углекислый газ. И вот на эти рты и носы деревьев, которые так медленно и терпеливо дышали, набрасывается такой сильный дождь.

Если бы тот, другой, мир продолжался, то на прошлой неделе ты сдал бы промежуточные экзамены. Последний день экзаменов – воскресенье, поэтому сегодня ты бы выспался, а затем поиграл с Чондэ в бадминтон во дворе. Течение времени другого мира, как и вся память о прошлой неделе, уже не воспринимается как реальность.

Это случилось в прошлое воскресенье. Ты один вышел из дома, чтобы перед школой купить задачник по математике в книжном магазине. Вдруг улицу заполонили вооруженные солдаты, и ты, испугавшись их, свернул на дорожку, что тянется вдоль берега реки. Навстречу шла парочка, по виду молодожены – мужчина в костюме, с библией и сборником христианских гимнов в руке, и женщина в темно-синем пла-

тье. С верхней дороги раздался резкий окрик, и трое солдат, вооруженных дубинками и оружием, сбежали с пригорка и окружили молодую пару. Казалось, они преследовали кого-то и спустились вниз по ошибке.

– В чем дело? Мы сейчас в церковь...

Не успел мужчина закончить фразу, как ты увидел, что с ним сделали. Ты увидел, что могут сделать с руками, спиной, ногами человека.

– Спасите! – задыхаясь, прокричал мужчина.

Они избивали его дубинками до тех пор, пока ноги мужчины, дергающиеся в судорогах, не замерли. Что произошло с кричавшей в ужас женщиной, которую схватили за волосы, ты не знаешь. Потому что, стуча зубами, ты пополз вверх по склону и оказался на улице, где перед тобой открылась еще более непривычная картина.

* * *

Вздрогнув от испуга, ты поднимаешь голову – кто-то легонько коснулся правого плеча. Да так нежно, словно через несколько слоев холодной холщовой ткани до тебя кончиками пальцев дотронулся дух.

– Тонхо, – над тобой с улыбкой склоняется Ынсук. Ее белый джемпер и джинсы насквозь промокли, – ты чего так испугался?

Ты растерянно улыбаешься в ответ, глядя на ее мокрые

косички, на твоём лице нет ни кровинки. *У духа ведь не может быть рук.*

– Я хотела вернуться пораньше, но пошел дождь, и я постеснялась... Боялась, что вслед за мной начнут уходить другие. Здесь все нормально?

– Никто не приходил, – отвечаешь ты, помотав головой. – И прохожих не было. – Там тоже пришло немного людей.

Ынсук садится рядом с тобой, поджав под себя ноги. Из кармана джемпера достает кусок бисквита в шелестящей упаковке и бутылочку йогурта.

– Тетушки из католического храма раздавали, вот я взяла и для тебя.

Еще не осознавая, насколько проголодался, ты торопливорываешь упаковку и почти целиком запихиваешь бисквит в рот. Ынсук открывает крышку из фольги и протягивает тебе йогурт.

– Теперь я останусь здесь, а ты иди домой и переоденься. Видимо, все, кому нужно было, уже побывали здесь.

– Меня дождь почти не намочил. Лучше тебе сходить домой переодеться, – с трудом отвечаешь ты, пережевывая бисквит. Через набитый рот к горлу пробивается йогурт.

– От тебя сильно пахнет потом. Ведь ты уже несколько дней и ночей здесь.

Твои щеки краснеют. Каждое утро во флигеле ты мыл голову в раковине, а вечером, дрожа от холода, и все тело, чтобы не пропитаться трупным запахом. Но, видимо, все без

толку.

– Слышала на митинге, что сегодня ночью в город войдут правительственные войска. Если пойдешь домой, назад не возвращайся.

Ынсук от чего-то вздрогнула. Может, стало щекотно от волосинки, кольнувшей шею? Ты молча следишь за движениями ее рук, как она поднимает кончиками пальцев мокрые волосы и укладывает их поверх воротника. Ее лицо, которое при первой встрече было пухленьким и показалось тебе милым, за несколько дней осунулось. Пристально глядя на ее запавшие темные веки, ты размышляешь. Где, в какой части тела обитает та маленькая птичка, что вылетает из человека после смерти? Может, вон в той суровой переносице, или, может, за теменем, там, где у святых сияет нимб, или, может, где-то в укромном уголке сердца?

Запихав оставшийся кусок бисквита в рот и сделав вид, что не расслышал последних слов Ынсук, ты говоришь:

– Переодеться должен тот, кто попал под дождь и насквозь промок. Ну и что с того, что от меня немного пахнет потом?

Она достает из кармана джемпера еще одну бутылочку йогурта.

– Никто ж у тебя не отнимает... Не торопись так. Это я хотела Сончжу отдать.

Ты хватаешь бутылочку, ногтем отковыриваешь крышку и улыбаешься.

У Сончжу не тот характер, чтобы незаметно подойти и тихонько положить руку на плечо. Издалека она окликает тебя уверенным голосом и идет навстречу. Подойдя ближе, спрашивает:

– Никого нет? Ты до сих пор был один?

Затем протягивает завернутый в фольгу *кимпан* и присаживается рядом на ступеньку лестницы. Вы вместе едите рисовые роллы с начинкой, глядя, как потихоньку стихают потоки дождя.

– А друга своего ты так и не нашел? – нарочито равнодушно спрашивает она.

Ты мотаешь головой, и она продолжает:

– ...по всему видно, солдаты его где-то закопали.

Чтобы съеденный всухомятку *кимпан* не застрял на пути к желудку, ты похлопываешь себя по груди.

– В тот день и я там была. Убитых, что лежали рядом, солдаты побросали в грузовик и увезли куда-то.

Ты перебиваешь ее, не желая больше слышать бездумно вылетающие слова:

– Вы тоже попали под дождь. Сходите домой, переоденьтесь. Ынсук вот ушла сменить одежду.

– Зачем? Все равно вечером придется работать, вся взмокну от пота.

Сончжу складывает пустую обертку от *кимпана* пополам, затем еще несколько раз, пока кусок фольги не становится размером с мизинец. Зажав его в руке, она смотрит на струи дождя. Профиль ее лица настолько невозмутим, что у тебя неожиданно появляется желание кое-что спросить.

Неужели это правда, что все, кто сегодня останется здесь, умрут?

Ты не спрашиваешь, колеблешься. Если есть риск умереть, то почему нельзя просто всем покинуть Управление провинции и где-нибудь спрятаться? Зачем кому-то уходить, а кому-то оставаться?

Она бросает комочек фольги на клумбу. Смотрит на пустые ладони, затем поднимает руки и с силой трет вокруг глаз, щеки, лоб и даже уши. Как будто уставший человек пытается умыться, только без воды.

– Ничего не могу поделать, глаза сами закрываются. Пойду во флигель... найду мягкий диван, надо поспать. И одежду высушить.

Она улыбается, показывая плотно посаженные друг к другу передние зубы. И говорит тебе четко, чтобы ты понял:

– Ничего не поделаешь, придется тебе одному отдуваться за всех.

* * *

Не знаю, стоит ли верить Сончжу. Военные вполне мог-

ли увезти Чондэ и где-нибудь его закопать. Но и в маминых словах может быть правда – вдруг Чондэ лежит в больнице после операции, еще не пришел в себя, потому и не звонит. Вчера ближе к вечеру, когда мама и брат пришли забрать тебя домой, ты упорно отказывался, ссылаясь на то, что должен отыскать Чондэ, и мама предложила:

– Надо бы в реанимационных отделениях поискать. Давай вместе обойдем все больницы.

Она схватила тебя за рукав куртки:

– Знал бы ты, как я испугалась, когда услышала от людей, что тебя видели здесь. Подумать только! Ты и столько трупов кругом... Неужели не страшно? Ты ж трусишкой был.

В ответ ты едва заметно улыбнулся и сказал:

– Уж если кого бояться, так это военных, а мертвых – чего их-то бояться?

На лице брата появилось очень строгое выражение. Он с детства только и знал, что сидеть над учебниками. Все годы учебы он считался лучшим в классе, однако дважды провалил вступительные экзамены в университет и сейчас готовился поступать третий раз. Похожий широким лицом на отца, он отрастил довольно густые усы и бороду. К двадцати годам он выглядел намного старше своих лет, как уже женатый мужчина. В отличие от него, самый старший брат, мелкий государственный служащий, работающий в столице, был красив лицом, невысок и худощав. Когда он приезжал домой на время отпуска и три брата собирались вместе, среднего

сына все принимали за старшего.

– Ты думаешь, хорошо подготовленные правительственные войска, с пулеметами и танками, не входят в город, потому что испугались гражданских, вооруженных винтовками времен Корейской войны? У них своя стратегия, они ждут только приказа сверху. Останешься здесь – умрешь.

Боясь, что брат даст тебе затрещину, ты отступаешь от него на один шаг и говоришь:

– За что меня убивать-то? Я тут только мелкие поручения выполнял.

Ты с силой вырываешься из маминых рук, вцепившихся в рукав куртки.

– Не волнуйтесь, еще несколько дней побуду здесь, помогу людям и вернусь домой. И Чондэ найду.

Неловко махнув рукой на прощанье, ты убегаешь в школу.

* * *

Потихоньку светлевшее небо вдруг проясняется в один миг с такой силой, что слепит глаза. Ты встаешь, огибаешь здание с правой стороны и смотришь, что происходит на улице. Оттуда видна опустевшая площадь; толпа разошлась. Только перед фонтаном родственники погибших сбились в небольшие группки по три-четыре человека. Видишь, как мужчины поднимают в грузовик гробы, до этого сложенные под трибуной. Ты пытаешься рассмотреть, кто находит-

ся среди этих мужчин, прищуливаешься, и при ярком свете твои веки начинают мелко подрагивать. Эта дрожь передается щекам.

При первой встрече с Ынсук и Сончжу ты не сказал всю правду.

В тот день, демонстранты устроили шествие по площади перед вокзалом и в первом ряду везли тележку с телами двух расстрелянных мужчин. Шумело море людей, среди которых были старики в шляпах, дети одиннадцати-двенадцати лет и женщины с пестрыми зонтиками от солнца. Но в тот день живого Чондэ последним видел вовсе не сосед, а именно ты. И не просто видел его, а видел, как ему в бок попала пуля. А до этого вы с самого начала шли вместе, держась за руки. Вы пытались пробраться к голове колонны. Вдруг раздались оглушительные выстрелы, и все бросились врассыпную.

– Они стреляют холостыми! Не бойтесь! – закричал кто-то, но когда одна группа повернула назад, в передних рядах возникла давка, и в этой суматохе ты отпустил руку Чондэ. Снова прогремел залп, Чондэ упал на бок, а ты, забыв про все на свете, со всех ног пустился бежать. Ты смог остановиться только у стены рядом с магазином электротоваров, двери которого были закрыты ставнями. Там уже стояли трое взрослых. К ним изо всех сил мчался мужчина, очевидно, из их группы. Внезапно из его плеча полилась кровь, и он упал лицом вниз.

– О, небо! Что делают-то! С крыши... – проговорил, с тру-

дом переводя дух, наполовину облысевший мужчина рядом с тобой. – В Ёнгю стреляли с крыши.

С крыши здания рядом снова выстрелили. Спина раненого, который с большим трудом пытался подняться, резко дернулась, и он перевернулся. Хлынувшая из живота кровь в один миг растеклась по всей груди. Ты посмотрел на лица людей, стоящих рядом. Все пораженно молчали. Лысеющий мужчина зажал себе рот рукой, тело его тряслось мелкой дрожью.

Ты прищурился и увидел несколько десятков людей, валяющихся посреди улицы. Вдруг тебе показалось, что ты видишь спортивные брюки небесного цвета, точно такие же, как на тебе. Показалось, что видишь, как дергается голая нога, с которой слетел кроссовок. Ты уже готов был броситься к нему, но стоящий рядом мужчина схватил тебя за плечи. В эту секунду из соседнего переулка выскочили три парня. Подхватив под мышки лежащих, они попытались поднять их, но тут со стороны площади, где заняли позицию военные, раздалось несколько выстрелов подряд. Парни обмякли и повалились на землю. Ты посмотрел на широкий переулок на противоположной стороне улицы. Около тридцати человек, мужчины и женщины, наблюдали за происходящим, стоя вплотную у каждой стены, словно примерзли к ним.

Минуты через три после выстрелов из переулка напротив стремглав выбежал человек очень маленького роста. Он что

есть духу помчался к кому-то из валяющихся людей. Снова раздались выстрелы, и смельчак упал. Стоящий рядом мужчина тут же закрыл твои глаза широкой ладонью и сказал:

– Если выйдешь сейчас, умрешь почем зря.

Когда он отнял руку, ты увидел, как двое мужчин из переулка напротив помчались к лежащей молодой женщине, точно притягиваемые к ней огромным магнитом. Они подхватили ее под руки и стали поднимать. В этот раз выстрелили с крыши. Мужчины упали навзничь.

После этого больше никто не отважился приблизиться к расстрелянным.

В напряженной тишине прошло около десяти минут. Из строя солдат выделилась группа примерно в двадцать человек, идущих по двое. Они начали быстро и умело хватать людей, валяющихся перед ними, и оттаскивать в сторону. И, словно ожидая этого момента, из соседнего переулка и того, что был напротив, выбежала дюжина мужчин. Они бросились к тем, кто лежал поодаль от солдат, подхватывали их и взваливали себе на спины. В этот раз с крыши никто не стрелял. Но ты не побежал к Чондэ вслед за другими. Стоявшие рядом с тобой мужчины торопливо скрылись в переулке, унося с собой тело погибшего товарища. Неожиданно оставшись один, ты испугался. Думая лишь о том, чтобы не попасться на глаза снайперу, не отрываясь от стен, ты торопливо двигался в противоположном направлении от площади.

В тот день после полудня в доме было тихо. Даже в такое беспокойное время мать отправилась на рынок Тэин в семейную лавку, где продавалась обработанная кожа, а отец, недавно повредивший спину во время переноски большого короба со шкурами, сейчас лежал в большой комнате во внутреннем крыле дома. С силой толкнув наполовину закрытые металлические ворота, ты вошел во двор. Тут же услышал голос среднего брата, зубрившего английские слова в своей комнате.

– Это Тонхо? – раздался громкий голос отца – Тонхо, ты вернулся?

Ты не ответил ему.

– Тонхо, если это ты, поди сюда, потопчи мне спину.

Притворившись, что не слышишь отца, ты направился к цветочным клумбам и стал качать воду из насоса. Таз наполнился чистой холодной водой. Сначала ты опустил в нее руки, а затем окунул и лицо. Поднял голову, и с лица и шеи побежали струйки воды.

– Тонхо, это не ты там во дворе? Поди-ка сюда.

Положив руки, с которых стекала вода, на мокрые веки, ты постоял на каменной ступеньке, ведущей на крытую террасу дома. Снял кроссовки, прошел через террасу и открыл дверь в большую комнату. В ней витал запах сожженной по-

лыни², а на полу на животе лежал отец.

– Совсем недавно опять спину так скрутило, что не под-
няться. Потопчи хоть немного там, ниже спины.

Ты снял носки. Поставив правую ногу на поясницу отца, надавил вполсилы.

– Где тебя носило? Знал бы, как мать беспокоилась, несколько раз звонила, спрашивала, вернулся ли ты домой. Туда, где проходят демонстрации, не суйся, даже приближаться не смей. Говорят, прошлой ночью стреляли на новом вокзале и поубивали людей... Какой смысл протестовать? Как можно идти с голыми руками против оружия?

Ты привычным движением сменил ногу и осторожно надавливал на область между отцовскими позвонками и крестцом.

– Да, здесь, здесь... Ох, как хорошо!

Ты вышел из большой комнаты и направился к своей, что находилась за кухней. Лег на покрытый линолеумом пол и свернулся клубочком. Тут же впал в забытие, словно потерял сознание, но прошло всего несколько минут, и ты резко очнулся от страшного сна, содержание которого тут же забылось. Однако наяву тебя поджидала еще более страшная картина. Во внешнем крыле дома, где Чондэ со старшей сест-

² Лечебная процедура «прижигание», состоящая в том, что подожженный комочек высушенной полыни прикладывают к телу так, чтобы жар распространился по телу.

рой Чонми снимали маленькую гостевую комнатку, не было видно никаких признаков присутствия человека. Наступит вечер, но ничего не изменится. Свет в комнате Чондэ не зажжется. А ключ как лежал, так и будет лежать на дне большого глиняного чана, стоящего рядом с каменными ступенями. В тишине ты вспомнил лицо Чондэ. В памяти возникли спортивные брюки голубого цвета, дергающиеся в конвульсиях ноги. От этой сцены ты чуть не задохнулся, как будто в твоём солнечном сплетении застрял огненный шар.

Чтобы вдохнуть и дышать спокойно, ты стал вспоминать другой образ Чондэ и то, каким он был в обычной жизни. Ты представил, как он открывает ворота и как ни в чем не бывало входит во двор. Чондэ, пока что маленького роста, не выше выпускника младшей школы. Несмотря на стесненные обстоятельства, его сестра Чонми заказывала доставку молока, в надежде, что оно поможет брату подрасти. Чондэ, такой некрасивый, что возникали сомнения относительно его кровного родства с сестрой. Чондэ, чьи глаза были маленькие, как дырочки на пуговицах, и нос с плоской переносицей. Чондэ, при этом такой обаятельный, что стоило ему только сморщить этот нос и улыбнуться, как все улыбались в ответ. Чондэ, в день выезда класса на природу танцующий диско на конкурсе талантов. При этом он раздувал щеки как рыба фугу, да так забавно, что даже классный руководитель, известный своей строгостью, не выдержал и громко расхохотался. Чондэ, желающий зарабатывать деньги, а не

учиться. Чондэ, из-за сестры вынужденный готовиться к поступлению в старшую гуманитарную школу. Чондэ, тайком от сестры разносящий газеты, чтобы накопить денег. Чондэ, у которого с ранней зимы ярким пламенем горят щеки, а на ладонях появляются противные бородавки. Чондэ, играющий с тобой в бадминтон во дворе и посылающий тебе только смэши, как будто он возомнил себя игроком сборной на большом турнире.

Чондэ, как ни в чем не бывало кладущий в ранец губку, которой стирают со школьной доски.

— Зачем это тебе?

— Отдам сестре.

— А ей-то зачем?

— Да у нее с этой губкой связаны воспоминания.

Прикинь, когда сестра ходила в среднюю школу, ей больше нравилось дежурить в классе, чем учиться. Однажды, это было первого апреля, ученики расписали всю доску всякой фигней. Как раз тогда в школу пришел молодой учитель, вот они и решили оценить его в деле. А он как гаркнет: «Кто дежурный?!», ну, в общем, в тот день как раз дежурила сестра, вот ей и пришлось усердно стирать с доски. Пока в классе все что-то зубрили, она открыла окно в коридоре и палкой выбивала мел вот из этой штуки. Сестра два года ходила в среднюю школу, и за все время не может припомнить другого такого прикольного дня.

Опершись руками о холодный пол, ты поднялся. Шлепая тапочками, пересек узкий двор и встал перед главным крылом дома. Пошарил по дну глиняного чана, такого глубокого, что руки ушли в него по плечи. Из-под молотка и гвоздодера ты достал звякнувшие ключи. Открыв замок, ты снял тапочки и вошел в комнату.

По всему было видно, что за это время сюда никто не приходил. С той самой воскресной ночи, когда ты пытался успокоить готового расплакаться Чондэ, встревоженного отсутствием сестры. На низком столике лежала раскрытая тетрадка, в которой ты написал, куда могла пойти Чонми. Вечерняя школа, завод, церковь, которую она изредка посещала, дом троюродного дяди в районе Ильгоктон. На следующее утро вы с Чондэ обошли все указанные места, но сестры нигде не было.

Ты стоял посреди пустой комнаты и тыльной стороной ладони тер сухие глаза. Тер до тех пор, пока не почувствовал жар под пальцами. Посидел за письменным столом Чондэ, затем улегся на пол, лицом ощущая холод деревянных досок. Кулаком надавил на ноющую грудь, в середину грудной клетки, где ложбинка. Если сейчас вдруг откроются ворота и войдет Чонми, ты бросишься к ней и упадешь на колени. Вы вместе пойдете к зданию Управления провинции и будете искать Чондэ. И после того, что случилось, ты можешь считать себя его другом? Можешь считать себя человеком? Ты будешь до конца терпеть все удары и крики, которые об-

рушатся на тебя от Чонми. И при этом будешь умолять ее о прощении.

* * *

Двадцатилетняя Чонми тоже маленького роста. Из-за довольно короткого каре сзади ее можно принять за девочку-подростка, только что окончившую начальную школу. А без косметики, даже если посмотреть на нее спереди, она выглядит не старше ученицы старшей школы. И сама зная об этом, Чонми старается немного краситься. На работе она весь день стоит, и ноги, должно быть, отекают. Однако всегда отправляется на фабрику и возвращается назад в туфлях на каблуках. Тихий голос, легкая походка – такая девушка, казалось, не только не может никого ударить, но даже никогда не гневается. Однако Чондэ, цокнув языком, признался тебе: – Да ты ж ее совсем не знаешь. Я сестру боюсь больше, чем отца.

Прошло почти два года, как Чондэ с сестрой поселились в вашем доме, но тебе ни разу не удалось толком поговорить с Чонми. Ткацкая фабрика, где она работала, не останавливалась даже ночью. Чондэ врал, что задерживается в библиотеке, а сам разносил газеты допоздна. Поэтому в начале зимы в их комнате часто гас огонь в очаге. Изредка бывали вечера, когда Чонми возвращалась домой раньше брата, и тогда она тихонько стучалась к тебе. Ты открывал дверь и видел устав-

шее лицо и короткие волосы, которые она заправляла за ухо.

— Не мог бы ты дать углей... — она с трудом выдавливала из себя.

И ты каждый раз сломя голову выбегал во двор и мчался к печке, забыв даже накинуть на себя куртку. Выбрав из головешек еще горящие угли, ты собирал их кочергой в совок и отдавал Чонми, а она не знала, как выразить свою благодарность.

Первый раз тебе довелось поговорить с ней по душам как-то вечером в начале прошлой зимы. Чондэ после занятий убежал разносить газеты, бросив портфель у входа, и еще не вернулся. Ты сразу догадался, что это Чонми стучит в дверь. Тихо раздался легкий нерешительный стук кончиками пальцев, словно они были обернуты в несколько слоев холодного нежного шелка. Ты быстро открыл и выскочил из комнаты. Она спросила:

— Ты случайно не выбросил учебники за первый класс средней школы?

— ...За первый класс?

Удивленный, ты переспросил, и она смущенно ответила, что с ноября ходит в вечернюю школу.

— На фабрике сказали, что в мире все меняется, и скоро хозяевам нельзя будет заставлять рабочих трудиться сверхурочно, как бы они этого ни хотели. Сказали, и зарплата поднимется. Вот я и решила по такому случаю пойти учиться. Уж очень давно я ходила в школу, поэтому сначала надо по-

вторить все за первый класс... А когда у Чондэ будут каникулы, думаю, удастся пройти учебники за второй класс.

Попросив немного подождать, ты поднялся на чердак. Вернувшись с охапкой пыльных учебников и несколькими пособиями для подготовки к экзаменам, ты увидел округлившиеся глаза Чонми.

– Ничего себе!.. Какой же ты добросовестный мальчик! А наш Чондэ все выбросил.

Принимая книги, она наказала тебе:

– Только не говори ничего Чондэ. Он и без того чувствует себя виноватым, что я из-за него не доучилась. И пока я не сдам общий экзамен за среднюю школу, сделай вид, что ничего не знаешь.

Ты растерянно смотрел на ее лицо, на котором, как цветы в поле, расцветала улыбка.

– Кто знает, может, после того как Чондэ поступит в университет, и мне удастся получить образование? Я буду усердно готовиться.

Ты тогда подумал: «Интересно, как она сможет учиться тайком?». Сможет ли в этой крохотной комнатке заслонить своей маленькой спиной раскрытую книгу? Ведь и Чондэ рано не ложится, допоздна сидит за уроками.

Сначала ты просто ненадолго задумался об этом, но позже все чаще стал вспоминать этот разговор. Нежные руки, листающие твой учебник у изголовья спящего Чондэ. Маленькие губы, через которые вылетают слова, много раз повторя-

ющие: *«Ничего себе!.. Какой же ты добросовестный мальчик!..»*. Приветливые глаза. Усталая улыбка. Стук в дверь, похожий на тихое касание кончиками пальцев, словно они обернуты в несколько слоев холодного нежного шелка. Все это заставляло сердце сжиматься, не давало спать крепким сном. А утром, как только раздавался шорох открываемой двери, а затем слышалось легкое шлепанье босых ног по деревянному настилу, шипение помпы и плеск воды у умывальника, ты закутывался в одеяло, подползал ближе и, еще не успев продрать сонные глаза, ловил каждый звук, исходящий от нее.

* * *

Второй грузовик, кузов которого был полностью заставлен гробами, остановился у здания спортивной школы. Твои глаза, еще больше прищуренные из-за яркого солнца, замечают Чинсу, сидевшего рядом с водителем. Он выпрыгивает из грузовика, быстрыми шагами подходит к тебе и говорит:

– В шесть часов здесь закроют двери. Ты в это время иди домой.

Запинаясь, ты спрашиваешь:

– ...А кто будет сторожить тех, кто останется внутри?

– Сегодня ночью в город войдут военные. Всех родственников погибших тоже отправим домой. После шести здесь никого не должно быть.

– Военные придут туда, где нет никого, кроме мертвых?

– Говорят, они считают бунтовщиками даже раненых, лежащих в больницах, и всех собираются убить. Ты думаешь, они будут разбираться, кто здесь труп, а кто присматривает за покойниками? Прикончат и все.

Как будто рассердившись, он твердой походкой проходит мимо тебя и направляется в зал. Должно быть, собирается сказать то же самое родственникам убитых. Как большую ценность, ты прижимаешь к груди учетную книгу в грубом черном переплете и смотришь вслед Чинсу. Смотришь на его мокрые волосы, футболку, джинсы, смотришь на профили членов семей погибших, на то, как они мотают головой или кивают в ответ на его слова.

Раздается высокий дрожащий голос женщины:

– Я и шагу отсюда не сделаю. Здесь и умру вместе со своим сыном!

Вдруг твой взгляд оказывается на лежащих в зале неопознанных людях, укрытых с головой плотной тканью. Не можешь отвести глаз от тела в углу. Когда ты впервые увидел его в коридоре отдела по работе с обращениями граждан, то сразу подумал о Чонми. Тело, уже тогда начавшее разлагаться, трудно было опознать из-за глубокой раны, проходящей через лицо и изувечившей все черты. Но какие-то сходства просматривались. Кажется, ты однажды видел Чонми в такой же плиссированной юбке.

Но разве девушки в таких юбках в горошек встречаются

редко? Да и нет никакой уверенности в том, что в воскресенье ты видел Чонми, выходящей из дома именно в этой одежде. Разве волосы у нее настолько короткие? Вообще-то, такую стрижку носят только ученицы средней школы. И зачем бережливой Чонми, экономящей каждую монетку, красить ногти на ногах, когда еще и лето не наступило? Хотя ее босых ног ты толком не видел. Чондэ должен знать, есть ли у сестры над коленкой родимое пятно размером с фасолинку. Только он может подтвердить, что лежащая здесь девушка – не Чонми.

Но чтобы найти Чондэ, как раз сестра и требуется. Она бы наверняка обошла все больницы в центре города и нашла Чондэ, только что пришедшего в сознание после операции, в реабилитационной палате. Как и тогда, в феврале, когда Чондэ напрочь отказался поступать в старшую гуманитарную школу, заявив, что будет учиться в средней, в специальном классе с профессиональным уклоном. Он ушел из дома, и Чонми, сама не веря в успех, за сутки нашла его в читальном зале при магазине комиксов. Схватив Чондэ за ухо, она привела его домой. Посмотрев на Чондэ, поджавшего хвост перед такой маленькой и тихой сестрой, мать и брат долго хохотали. И даже твой спокойный и молчаливый отец притворно покашливал, стараясь сдержать смех. В тот день до самой полуночи в гостевой комнате шел разговор брата и сестры. Когда чей-то тихий голос становился немного громче, интонация другого звучала тихо и ласково, когда один

снова повышал тон, другой успокаивал. Ты все это время лежал в своей комнате рядом с кухней и слушал жаркий спор двух близких людей, слова утешения, тихий смех. Когда их голоса постепенно слились в один и нельзя было различить, кто говорит, ты незаметно для себя провалился в сон.

* * *

Сейчас ты сидишь за столом при входе в спортивную школу.

Сидишь на левой стороне стола, раскрыв учетную книгу, и крупным почерком выписываешь на лист А4 имя убитого человека, регистрационный номер, телефон или адрес. Даже если сегодня ночью все ополченцы будут убиты, их родственники обязательно должны узнать об этом. Так сказал Чинсу, поэтому сейчас ты занят этим делом. Придется поторопиться, чтобы за шесть часов выписать все имена, проверить и прикрепить бумагу на каждый гроб.

– Тонхо!

Услышав свое имя, ты поднимаешь голову.

Между грузовиками ты видишь мать, идущую к тебе. В этот раз одна, без брата. Серая блузка и брюки свободного покроя – она всегда их надевает, когда отправляется в свою лавку, как рабочий костюм. От привычной ее внешность отличается только прической: всегда аккуратно причесанные завитые волосы сегодня намокли под дождем и спутались.

Ты невольно встаешь, обрадованный появлением матери, подбегаешь к лестнице, но вдруг останавливаешься. Мать быстрыми шагами поднимается по ступеням, хватая тебя за руки.

– Пойдем домой.

Чтобы освободиться от нее, вцепившейся в твои руки – такая страшная хватка бывает у тонущего, – ты выворачиваешься, освобождая свое запястье. По одному разжимаешь мамины пальцы.

– Говорят, ночью в город войдут военные. Сейчас же пойдем домой.

Наконец тебе удастся разжать все ее пальцы. Ты тут же быстро убегаешь в зал. Путь матери, пытавшейся догнать тебя, преграждает процессия людей, решивших забрать гроб с телом родственника домой.

– Мам, сказали, в шесть часов здесь закроют все двери.

Переступая с ноги на ногу и подпрыгивая, она топчется по другую сторону строя идущих людей и пытается встретиться с тобой глазами. Ты кричишь, целясь в ее сморщенный, как у плачущего ребенка, лоб:

– Вот закроют двери, тогда и пойду!

Только после этих слов мамино лицо разглаживается.

– Ты обязательно должен прийти, – говорит она – до того, как сядет солнце! Чтобы всей семьей вместе поужинать.

Прошло меньше часа, как ушла мать, и ты снова поднимаешься, издалека заметив старика в коричневом традици-

онном халате и черной шляпе европейского покроя. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, как ему жарко в этом одеянии. Совершенно седой, он идет, опираясь на трость и с трудом переставляя дрожащие ноги. Чтобы ветер не разбросал листы бумаги, ты кладешь на них учетную книгу, ручку и спускаешься по лестнице.

– Вы кого-то ищете?

– Сына и внуку, – шамкает старик. У него уже выпали все зубы.

– Вчера приехал из Хвасуна, добрые люди подвезли на культиваторе. Сказали, на нем в город въезжать нельзя, вот я и пошел в обход по горной тропинке, где нет постов военных. Еле-еле дошел.

Старик глубоко вздыхает. На торчащих редких волосинках вокруг губ скопились серые капельки слюны. Ты не можешь понять, как этот дедушка, с трудом шагающий по ровной дороге, смог пройти по горной тропе.

– Наш младший сын, он того, немой... В детстве переболел лихорадкой, с тех пор и не говорит. Позавчера из Кванчжу вернулся один человек, сказал, что в центре города солдаты забили дубинками немого и что случилось это уже несколько дней назад. Вот и я отправился сюда.

Поддерживая старика под руку, ты ведешь его вверх по лестнице.

– Да, а наша внучка, дочка старшего сына, учится в университете Чоннам и снимает комнату неподалеку от него.

Так вот, вчера я пошел к ней, а мне говорят – пропала без вести... Уж несколько дней ее никто не видел, ни хозяйка дома, ни соседи.

Вы входите в зал, и ты надеваешь маску. Женщины в траурных одеждах собирают в узлы бутылки с водой, газеты, пакеты со льдом и фотографии покойных. В зале находятся и те, кто спорит с другими родственниками, перевозить гроб домой или оставить здесь.

Старик уже не нуждается в твоей поддержке. Он идет вперед, закрыв нос смятым носовым платком из марли. Рассматривая одно за другим лица покойников, выделяющиеся на фоне белой ткани, он мотает головой. Ритмичный стук его трости об пол приглушает прорезиненное покрытие.

– ...А это кто? Почему закрыто его лицо?

Старик указывает на тело, с головой накрытое тканью. Ты стоишь в нерешительности, оттягивая этот момент. Это входит в твои обязанности, но ты всегда действуешь нерешительно. За белой тканью с пятнами засохшей крови и гноя тебя ожидает изуродованное женское тело. Когда ты откинешь покрывало, появится глубоко рассеченное штыком лицо, изрезанное плечо, разлагающийся холмик груди, виднеющийся сквозь рваную блузку. Ночами, когда ты в столовой на подземном этаже засыпаешь на приставленных друг к другу стульях, этот образ врывается в сознание, и глаза распахиваются сами собой. Штык вонзается уже в твое лицо, протыкает его, рвет грудь, и ты весь содрогаешься от этого кошмар-

ного видения. Ты проходишь вперед, делаешь шаг в сторону тела, лежащего в углу. Все твое существо невольно устремляется прочь от него, словно тебя тянет назад какая-то сила, мощная, как огромный магнит. Борясь с этим чувством, ты втягиваешь голову в плечи и двигаешься вперед. Ты наклоняешься, чтобы откинуть покрывало, и тусклая струйка воска, расплавленного синевато-зеленоватым глазком свечи, стекает вниз.

Как долго дух витает рядом со своим телом?

Трепещут ли, как у птички, его крылья? Дрожит ли при этом огонек свечи?

Возникает мысль: «Хорошо бы зрение ухудшилось настолько, чтобы и вблизи видеть только смутные очертания». Но сейчас все видно четко. Прежде чем откинуть белую ткань, ты заставляешь себя держать глаза открытыми. Прикусывая губы с такой силой, что выступает кровь, ты снимаешь покрывало с тела. И даже после того, как ты снова медленно накрываешь его, ты держишь глаза открытыми. «Все равно бы убежал, – думаешь ты, стиснув зубы. – Даже если бы тогда упал не Чондэ, а вот эта девушка, ты бы убежал. Даже если бы упали старшие братья, даже если бы упал отец, даже если бы упала мать, ты все равно бы убежал».

Ты оглядываешься и смотришь прямо на старика, смотришь, как его седые волосы поднимаются дыбом. Терпеливо ждешь, когда он ответит на твой безмолвный вопрос: «Это ваша внучка?». *Я не прощу.* Ты смотришь прямо в дергаю-

щиеся глаза старика. В глаза человека, который увидел самое ужасное, что только можно увидеть на этом свете. *Я ничего не прощу. И самого себя не прощу.*

Глава 2

Черное дыхание

Наши тела уложены крест-накрест друг на друга.

Поперек моего живота лежит незнакомый мужчина, а поперек его живота – незнакомый молодой человек старше меня. Его волосы касаются моего лица, а мои босые ноги упираются в ямки под его коленями. Я могу видеть все это, потому что парю очень близко от своего тела.

Подошли они. Торопливо. В пестрой военной форме, в касках, на рукавах повязки с красным крестом. Встав друг напротив друга, они стали поднимать нас за руки и за ноги, а затем бросать в армейский грузовик. Действовали механически, словно грузят мешки с зерном. Чтобы не потерять свое тело, я цеплялся то за щеки, то за шею, так и забрался в кузов. К моему удивлению, я оказался там один. То есть я не встретил других духов. Пусть много духов витает где-то здесь поблизости, но я не мог увидеть или почувствовать ни одного. Оказывается, выражение типа «встретимся на том свете» не имеет никакого смысла.

Они молча забросили в грузовик все наши тела. Мое сердце остановилось из-за большой потери крови, но даже после этого она все продолжала течь, и мое лицо стало похожим на лист писчей бумаги, тонкий и прозрачный. Я первый раз по-

смотрел на свое лицо, закрытые глаза, и все это показалось мне совсем незнакомым.

С каждой минутой приближался вечер. Грузовик выехал за пределы города и помчался по пустынной дороге через охваченную сумраком равнину. Когда он поднялся на невысокий холм, где густо росли дубы, впереди стали видны металлические ворота. Грузовик ненадолго остановился, и двое караульных отдали честь. Долгий и тонкий скрежет металла раздался дважды – первый раз, когда солдаты открывали ворота, и второй раз, когда закрывали их. Грузовик проехал еще немного вверх по холму и остановился на пустыре между одноэтажным бетонным зданием и дубовой рощей.

Они вышли из кабины грузовика. Открыли задвижку в задней части кузова и, снова работая парами, начали переносить наши тела, хватая их за руки и за ноги. Соскальзывая и цепляясь за подбородок и щеки, я следовал за своим телом. Я парил над одноэтажным домом, в котором не светилась ни одна лампочка. Хотелось узнать, что это за здание. Хотелось узнать, куда нас привезли, куда сейчас несут мое тело.

Они вошли в чащу за пустырем, где беспорядочно росли деревья и кусты. По указанию человека, на вид старшего по званию, наши тела снова сложили крест-накрест. Мое тело в этот раз было вторым снизу, поэтому, придавленное другими, оно сплющилось. Но крови, которая могла бы вытечь под такой тяжестью, в нем уже не осталось. Запрокинутая назад голова, закрытые глаза, приоткрытый рот – мое лицо

в тени кустарников выглядело еще бледнее, чем раньше. Тело мужчины, уложенное на самом верху, они накрыли соломенным мешком, и теперь башня из мертвых превратилась в труп огромного чудовища с несколькими десятками ног.

* * *

Они ушли, и стало еще темнее. На западе медленно растворились последние краски вечерней зари. Я устроился сверху на башне из тел и наблюдал, как бледный полумесяц пробивается сквозь окутавшее его серое облако... Лунный свет уронил тень на чашу и на лицах мертвецов запечатлел узор, похожий на причудливую татуировку.

Кажется, время близилось к полуночи, когда я почувствовал чье-то очень тихое и нежное прикосновение. Я лишь ждал, что будет дальше, не зная, кому принадлежит эта безмолвная тень без лица и тела. Я хотел вспомнить, как можно разговаривать с духом, но осознал, что никогда не учился этому. Кажется, и этот дух тоже не знал, как завязать разговор. Все наши усилия мы направили на то, чтобы наладить контакт, но единственное, что нам удалось — лишь почувствовать, что мы думаем друг о друге. Наконец, словно потеряв надежду, незнакомый дух отлетел прочь, и я снова остался в одиночестве.

Все глубже становилась ночь, и все чаще стали появляться духи. Если возникало ощущение тихого прикосновения

к моей тени, то я не сомневался – это другой дух. У нас не было ни рук, ни ног, ни лица, ни языка, поэтому мы лишь безучастно соприкасались тенями, задумывались, кто бы это мог быть, и разлетались в разные стороны, так и не сумев заговорить. Каждый раз, когда с меня соскальзывала очередная тень, я смотрел в небо. Мне хотелось думать, что полумесяц, подернутый облаком, смотрит прямо на меня, как чей-то зрачок. Однако это был всего-навсего абсолютно пустой серебристый камень, огромная суровая глыба скальной породы, где нет жизни.

Когда эта незнакомая и странная ночь уже заканчивалась и небо, нависшее над нами пятном разлитой черной туши, наконец начало окрашиваться в предрассветный голубовато-зеленый цвет, я вдруг вспомнил тебя. Да, мы были вместе, ты и я. До того, как что-то, похожее на холодный кол, неожиданно врезалось в мой бок. До того, как я обмяк, как тряпичная кукла, и упал лицом вниз. До того, как в суматохе от грохота оружейных залпов, разрывающих перепонки, в неразберихе топота людских ног, от которого, казалось, асфальт вот-вот треснет на мелкие кусочки, я протянул к тебе руку. До того, как я почувствовал, как хлещущая из моего бока теплая кровь течет по моему плечу за шею. До этого момента ты был вместе со мной...

В траве завозились букашки и жучки, зашуршали, встряхивая свои крылышки. Высокими голосами защебетали невидимые птицы. Пронесся ветер, и на черных деревьях восхитительно затрепетали, зашелестели листья. Я думал, бледное солнце поднимается плавно, неторопливо, однако оно яростно двинулось вперед, к центру небосвода. Под горячими лучами наши тела, сложенные за чашей, начали гнить. На сгустках крови копошился рой навозных и обычных мух. Я парил рядом со своим телом и наблюдал, как они потирают передние лапки, ползают, взлетают и снова садятся. Мне хотелось поискать тебя среди тел, сложенных в башню, хотелось узнать, был ли твой дух среди тех, кто прикасался ко мне прошлой ночью, однако я не смог покинуть очертаний своего тела, словно какие-то силы удерживали меня, точно магнитом. Я не мог оторвать глаз от своего бескровного лица.

Время шло, и когда солнце почти достигло зенита, неожиданно возникла мысль.

Тебя здесь нет.

Мало того, ты еще жив.

Значит, если ты дух, то можешь направить все свои мысленные силы к человеку и узнать, жив он или умер. Однако определить, кто есть кто из окружающих тебя собратьев, у

тебя нет возможности. Я подумал, что из десятков тел, гниющих в этой неизвестной чаше, нет ни одного знакомого, и мне стало страшно.

Но дальше мне стало еще страшнее.

Объятый страхом, я думал о своей сестре. Я думал о сестре, глядя на сверкающее солнце, напряженно кренившееся все дальше и дальше к югу. Думал о сестре, глядя на свое лицо, закрытые глаза, и думал, думал только о ней. Я испытал невыносимое страдание. Сестра умерла. Умерла раньше, чем я. Из меня рвались стоны, плач, но разве можно рыдать без языка и голоса? Меня пронзила боль – я почувствовал, как вместо слез из меня сочится кровь и гной. У меня нет глаз, но откуда течет кровь и где возникает боль, заставляющая меня страдать? Я посмотрел на свое синюшное лицо – оно было сухим. Мои грязные руки лежали без движения. По ногтям, ставшим темно-кирпичного цвета от свернувшейся крови, тихо шныряли красные муравьи.

* * *

Я больше не чувствовал себя пятнадцатилетним подростком. И тридцать пять лет, и сорок пять лет тоже ощущались как недостаточно зрелый возраст. Даже если сказать, что мне уже шестьдесят пять, нет, семьдесят пять лет, это не показалось бы странным. Я уже не был тем Чондэ – самым низкорослым среди сверстников в своей школе. Я уже не был тем

Пак Чондэ, который больше всех на свете любил свою сестру и больше всех на свете боялся ее. Во мне возникла и задержалась странная и горячая сила. Возникла она не из-за смерти, а лишь из-за непрерывно проносившихся мыслей. Кто меня убил? Кто убил сестру? Почему нас убили? Чем больше я думал, тем сильнее крепла во мне эта незнакомая сила. Она сделала непрерывно льющуюся кровь густой и липкой. Кровь, которая появлялась там, где нет ни глаз, ни щек.

И дух сестры ведь тоже должен где-то витать, но где, в каком месте? Теперь у нас нет тел, и чтобы увидаться, не надо никуда идти. Но как без тела я могу встретиться с сестрой? Как я узнаю сестру, если и у нее нет тела?

Мое тело продолжало гнить. Открытую рану облепили черные насекомые. На веках и губах лениво копошились навозные мухи, потирая свои тонкие лапки. Когда солнце начало заходить за горизонт, посылая оранжевые лучи в промежутки между вершинами дубов, я, измученный мыслями о сестре, начал думать о других. Где сейчас находятся те, кто убили меня и сестру? Пусть они еще не умерли, но должны же и у них быть духи. Значит, если думать и думать, то, может быть, удастся соприкоснуться с ними. Мне захотелось бросить свое тело. Захотелось оторваться от этой силы, оборвать эту нить, выходящую из мертвого туловища, которая не отпускает меня от себя. Оборвать ее, как тонко натянутую паутину. Захотелось полететь туда, где эти люди. Почему ты убил меня? Почему ты убил сестру? Как ты ее убил?

На землю опустились сумерки, и все птицы умолкли. В траве ночные букашки и жучки начали трепетать крылышками. Однако если сравнить эти звуки с теми, которые издавали дневные насекомые, заметишь, что шелестение ночных звучит более тонко. Наступила крошечная тьма, и, как прошлой ночью, чья-то тень приблизилась к моей. Слегка погладив друг друга, мы тут же разошлись. Наверное, пока весь день палили лучи солнца, мы, оцепеневшие, находились здесь, размышляя об одном и том же. И, очевидно, только с наступлением ночи получили от своего тела достаточно энергии, чтобы ненадолго от него оторваться. Пока не явились эти военные, мы касались друг друга, поглаживали, пытались хоть что-то узнать друг о друге, но в результате так ничего и не смогли сделать.

Ночную тишину нарушил скрежет открываемых и закрываемых металлических ворот. Рокот мотора становился все ближе. Лучи света прорезали темноту. Фары движущегося грузовика осветили наши тела. Тени веток и листьев, лежащие черной татуировкой на каждом лице, перемещались вместе с двумя потоками света.

В этот раз их было только двое. Они брали привезенных людей за руки и за ноги и одного за другим быстро относили в нашу сторону. У четырех жертв были проломлены черепа, на одежде темнели пятна крови, а пятый был в больничной пижаме в голубую полоску. Чуть поодаль эти двое составили еще одну башню, намного ниже нашей, также крест-на-

крест сложив тела. Уложив сверху труп в больничной пижаме, они накрыли его соломенным мешком и поспешили обратно к грузовику. Глядя на их сморщенные переносицы и пустые глаза, я понял. Понял, что за сутки наши тела стали смердеть.

Пока они заводили мотор, я приблизился к вновь прибывшим. Я оказался не один – рядом со мной мелькали тени других духов. С одежды мужчин и женщин с проломленными черепами все еще капала вода, окрашенная кровью. Судя по тому, что их глаза, губы, нос, оказались чистыми, им на головы вылили воду, чтобы смыть кровь с лиц. Самым необычным из этих пятерых был мужчина в больничной пижаме. Он лежал, накрытый соломенным мешком до самой шеи, и выглядел очень чистым и ухоженным. Кто-то омыл его тело. Зашил его раны и смазал целебной мазью. В темноте сверкала белизной тугая повязка на голове. Тело было мертвым, как и все остальные здесь, но оно, сохранившее на себе следы чьих-то рук, ухаживавших за ним, выглядело благородно. Я почувствовал странную грусть и ревность к нему. Мне стало стыдно за свое сплющенное тело, придавленное, как туловище какой-то скотины, в самом низу этой высокой башни из трупов. Я возненавидел его.

Да, с этой минуты собственное тело мне стало ненавистно. Наши туловища, как куски мяса, небрежно сваленные и сложенные в башню... Наши грязные лица, гниющие под лучами солнца и испускающие смрад...

Если бы я мог закрыть глаза.

Если бы можно было не видеть наши тела, эту большую грудку мяса, похожую на труп чудовища со множеством ног. Если бы можно было мгновенно забыться сном. Если бы можно было сейчас кубарем скатиться на самое дно темного сознания.

Если бы я мог спрятаться, укутавшись в сон.

Или хотя бы нырнуть в глубь воспоминаний.

Например, в прошлое лето, когда я слонялся из угла в угол, дожидаясь тебя в коридоре перед кабинетом, где уж очень долго шло вечернее собрание учеников и классного руководителя. В тот момент, когда я быстро нацепил на плечи рюкзак, увидев учителя, покидающего класс. В тот момент, когда я, не обнаружив тебя среди выходящих учеников, вбежал в класс и громко окликнул тебя, губкой стирающего мел с доски.

– Ты чего это?!

– Я дежурный.

– Но ты же дежурил на прошлой неделе.

– Да тут один попросил подежурить за него, сказал, идет на митинг.

– Дурень!

В тот момент, когда мы смотрели друг на друга и безза-

ботно смеялись. Когда ты собрался было чихнуть от меловой пыли, попавшей в нос. Когда я украдкой сунул в рюкзак губку, с которой ты стряхнул мел. В тот момент, когда я посмотрел на твое смущенное лицо и рассказал историю, что произошла с сестрой, рассказал без хвастовства, без грусти, без стеснения.

Ночью того дня я лежал, обмотав живот легким одеялом, и притворялся, что сплю. Сестра вернулась домой как всегда, после вечерней смены, и я слышал, как она, устроив себе стол на раковине, привычно ест остывший рис, перемешав его с холодной водой. Умывшись и почистив зубы во дворе, она на цыпочках вошла в комнату, а я в темноте приоткрыл глаза и через щелочку подсматривал, как она подходит к окну. Сестра хотела проверить, хорошо ли тлеет окуриватель, отпугивающий комаров, и тут она увидела губку, приставленную к раме, и засмеялась. Сначала один раз тихо, словно выдохнула, а через пару секунд еще раз, громче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.